

Е Сы от такой неожиданной шутки расхохотался так, что едва не опрокинул стул сидевшего впереди одноклассника.

Дождь шёл до самого конца уроков и не только не утихал, а напротив, хлынул ещё сильнее. Ученики третьего года старшей школы — народ ценный, поэтому старина Ма где-то умудрился срочно раздобыть десятка полтора зонтов. За кем-то из ребят приехали родители с зонтами, чтобы проводить от учебного корпуса до общежития, а те, за кем не пришли, отправились получать спасительные зонты у старины Ма.

В 4-м классе было много девушек, и Е Сы постеснялся лезть без очереди. В итоге, когда черед дошёл до них двоих, зонты закончились — старина Ма отдал даже свой собственный.

— Эй, вы двое, — с тревогой произнёс старина Ма. — Что же делать? Во всей параллели третьего года старшей школы больше не найти ни единого зонта. В учительской все преподаватели отдали свои и даже не могут уйти домой.

— Ничего страшного, — беззаботно махнул рукой Е Сы. — Пробежимся под дождём! Вытремся горячим полотенцем — чего нам, двоим парням, бояться?

— Вы же в третьем году старшей школы, вам нельзя простужаться, — помялся старина Ма и вздохнул: — Эх, ладно, больше делать нечего. Вы парни крепкие, бегите быстрее!

— Есть! — Е Сы подпрыгнул, схватил Хэ Сю за руку и рванул к выходу.

Вообще-то сбегать по лестнице бегом не требовалось, но Е Сы опомниться не успел: пролетел от дверей класса до самого выхода из здания и без малейшей паузы выскочил прямо под проливной дождь.

Хэ Сю поначалу пытался накинуть свою куртку на голову Е Сы, но едва они оказались под дождём, как промокли с ног до головы, от пятки до макушки. Он бросил сопротивление и, сжав руку Е Сы, изо всех сил побежал следом.

Гремел гром, земля тонула в воде, и было не разобрать, что бьёт по ногам — брызги от чужих шагов или струи дождя. Е Сы что-то закричал, расслышать было трудно, но, скорее всего, что-то восторженное и дикое.

Сначала Е Сы тащил Хэ Сю за рукав, но из-за дождя руки скользили, поэтому они просто вцепились ладонь в ладонь.

— Никто не видел?! — свирепо заорал Е Сы.

— Никого! — повысил голос Хэ Сю. — Да и пусть бы видели! Скоро гаокао!

Е Сы, бежавший позади, так расхохотался, что едва не глотнул дождевой воды и заикался от смеха.

От учебного корпуса до общежития бегу было всего пару минут. Влетев в двери, Е Сы едва не перевернулся через тепловую пушку, сушившую ноги ученикам, и весь содрогнулся.

Хэ Сю тут же подскочил и обнял его. Оба были мокрые до нитки, и липнуть друг к другу казалось ещё неприятнее, но Е Сы всё равно чисто инстинктивно прижался к нему. Они шли дальше, а с них стекали ручьи — обернувшись у лестницы, казалось, будто они занесли с собой пару ведер воды.

Е Сы не мог остановить смех — смеялся, кашлял и икал одновременно. Хэ Сю из последних сил пытался сдерживаться, но не выдержал и тоже расхохотался.

Поднявшись на шестой этаж, они заметили, что вода на них наконец перестала течь ручьями и превратилась в редкие капли. Вдоль всего коридора снували ребята с тазиками, набирая воду и вытираясь. Здание общежития насквозь пропиталось сыростью.

— Бог Е, ну ты даёшь! — прошёл мимо них Шэнь Лан, разбрызгивая воду под ногами и ухмыляясь. — Наконец-то появился кто-то несчастнее меня!

Вэнь Чэнь, шедший следом, вздохнул:

— Единственные трое во всём Общежитии № 3, кто прибежал без какого-либо укрытия прямо под дождём, собрались в нашей комнате.

— Просто головы крепкие, — с ухмылкой ответил Е Сы.

Мокрый свитер лип к телу до мерзости противно. Сделав пару шагов, Е Сы не выдержал, схватился за ворот и сорвал свитер через голову, оставшись в такой же промокшей чёрной майке.

С наступлением осени он стал есть больше и немного окреп по сравнению с летом — хоть и оставался худым, но уже не выглядел столь хрупким.

Хэ Сю, кутавшийся в темно-синий вымокший свитер, повернул голову и посмотрел на него: оглядел руки юноши, лопатки, а затем тихо сказал:

— Не простудись, иди скорее в комнату.

— Потом зайду, — Е Сы подошёл к двери комнаты, толкнул её ногой, забрал из рук Хэ Сю рюкзак, бросил его на стул и потянул Хэ Сю за руку к умывальной: — Пошли.

Хэ Сю не сразу понял, что тот задумал:

— Сначала умоемся? Ты взял полотенце?

— Потом разберёмся, пошли проорёмся под дождём! — с этими словами Е Сы втащил его в умывальную. Возле двух рядов раковин толпились ребята; когда Е Сы неожиданно ворвался, все повернули головы.

Кто-то нерешительно отодвинулся в сторону:

— Бог Е, тебе срочно умыться?

Е Сы беззаботно махнул рукой и, продолжая держать Хэ Сю за руку, толкнул дверь на балкон для сушки белья.

Балкон был полузакрытым, то есть практически открытым — едва они вышли, как дождь снова хлестнул им в лица.

Отсюда открывался вид: слева — малая спортивная площадка и столовая, справа — учебный корпус. Столовая сегодня закрылась раньше и утопала во тьме, зато в учебном корпусе мерцали редкие огоньки: это были учителя третьего года старшей школы, отдавшие свои зонты ученикам и застрявшие в здании.

Е Сы сложил ладони рупором у рта и заорал во весь голос:

— Сяо Цзянь! Успешной операции!

— Я с тобой! — выбежал на балкон Ло Хань, даже не вытерев воду с лица. Он прижался к Е Сы и закричал: — Скорейшей выписки! Поступи в хороший университет!

Е Сы опешил и уставился на Ло Ханя:

— Ты чего такой придурковатый?

— Бог Е, побойся совести! — с вытаращенными глазами крикнул Ло Хань сквозь дождь. — Ты сам первый начал!

Е Сы растерянno возразил:

— У меня просто долго на душе копилось, вот и выплеснул! А ты-то чего обезьянничаешь? Из-за тебя мы оба теперь выглядим дураками! На кой хрен орать в дождь?

Хэ Сю не удержался от смешка, потянул Е Сы за руку, а затем... тоже закричал в темноту под дождём!

— Цзянь Минцзэ! Пусть твоя жизнь будет гладкой, а будущее — светлым!

Ло Хань поцокал языком, восхищаясь тем, какой Бог Учебы образованный, а Е Сы так и застыл на месте, не проронив ни слова. Он повернул голову и сквозь пелену дождя прищурился на Хэ Сю: тот парень, в его памяти всегда холодный и сдержанный, сейчас выглядел невероятно живым. Закричав во всё горло в дождливую ночь, он совсем не походил на прежнего «Хэ Сю».

Вскоре крики подхватили на всех балконах мужского общежития, а вслед за ними закричали и из женского корпуса. Те, кто знал Цзянь Минцзэ, кричали его имя; остальные выкрикивали в дождевую тьму всё подряд — об учёбе, любви, родителях и семье. Балкон, где стояли Е Сы и Хэ Сю, мгновенно забился народом. Ученики третьего года старшей школы, словно зомби, массово выбрались наружу в дождливую ночь. Весь школьный двор огласился оглушительным, мощным гулом.

Е Сы прижало к самому ограждению балкона — ни повернуться, ни выйти. Ему оставалось только тесниться рядом с Хэ Сю и мокнуть под дождём среди этого грохота.

Он постепенно начинал сомневаться в своём душевном здоровье.

— Мне кажется, нам крышка, — сказал Е Сы, хватая Хэ Сю за руку. — Чёрт возьми, завтра Ху Сюцзе точно станет выяснять, кто это заварил.

— Скажем, что я, — с улыбкой ответил Хэ Сю. Он провел рукой по голове Е Сы, чьи волосы совсем растрепались под дождём, а затем, пользуясь темнотой и тем, что все вокруг словно помешанные орали во весь голос, нагло прильнул и укусил Е Сы за губу.

Автор хочет сказать:

Клавишница с мрачным видом смотрела на две лужи на коврике у двери:

— Вы двое...

— Мы просто немного повоевали на воде, — сказала Цаньдань, разглядывая кончики своих лапок.

— Угу, размышляли под дождём о жизни яйца, — добавил Фодань.

— О? И до чего же додумались? — Клавишница с угрюмым лицом встала перед двумя яйцами.

Цаньдань помедлило, украдкой глянуло на Фодань:

— Яйцо любит тебя!

Фодань помедлило:

— Яйцо тоже тебя любит.

Клавишница с лицом полной безысходности:

— Быстро ищите полотенце и вытирайтесь!

— Хорошо, — ответил Фодань, потянув за собой Цаньдань. — Пойдём, сперва вытру тебя.

— Лучше я тебя сперва вытру, — сказала Цаньдань.

— Нет, сначала тебя, — упрямылся Фодань.

Клавишница с равнодушным видом смотрела, как два яйца удаляются, оставляя за собой извилистый мокрый след.

«Сначала тебя сварят», — ворчала Клавишница, мопя пол и подражая голосу Цаньдань, а потом добавила голосом Фодань: «Нет, всё-таки тебя сперва сварят».

Человек — существо крайне социальное: стоит ненадолго погрузиться в определённую атмосферу, как моментально поддаёшься общему настроению.

Вот и Е Сы: постонал несколько минут зажатый у перила балкона под потоками дождя, а после того как Хэ Сю укусил его за губы прямо на глазах у десятка затылков и профилей, его разум окончательно помутился, и он с головой погрузился в безумие полуночной зомби-оратории.

Вокруг раздавались крики, выплески эмоций, слова поддержки, но он чувствовал, что хочет выкрикнуть вовсе не это. Что-то рвалось наружу из самой глубины груди, и лишь когда два этих слова вырвались из горла, он сам услышал, что именно кричит.

— Хэ Сю!

Словно одержимый, Е Сы резко вырвал руку из хватки Хэ Сю, прижался поясницей к ограждению балкона, подался туловищем далеко вперёд, прямо под дождевые струи, и, сложив ладони у рта, изо всех сил закричал его имя:

— Хэ Сю!

— Хэ Сю-у-у!..

— Хэ-э... Сю-у-у!..

Он кричал до тех пор, пока всё вокруг не затихло, а крики толпы не превратились в ровный белый шум. И в ушах, и в голове снова и снова отзывался эхом только его собственный голос.

<http://bllate.org/book/18378/1767147>